

Уголовно-процессуальная форма и уголовно-процессуальные доказательства (о некоторых изъянах концепции формирования доказательств)

Россинский Сергей Борисович,

главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии
Института государства и права Российской академии наук,
доктор юридических наук, доцент
s.rossinskiy@gmail.com

Цель исследования — обобщение результатов научных исследований автора, посвященных собиранию доказательств как одного из этапов уголовно-процессуального доказывания.

Методология: при подготовке статьи использовались общенаучные методы (анализ, наблюдение, обобщение, сопоставление, описание) и специальные методы юридической науки.

Выводы. Обоснована авторская позиция, предполагающая частичное несогласие с известным доктринальным постулатом о возможности собирания доказательств не иначе как посредством их формирования, т.е. путем производства предусмотренных уголовно-процессуальным законом следственных либо иных процессуальных действий. Обращено внимание на невозможность использования механизмов формирования доказательств в отношении представляемых, истребуемых либо изымаемых предметов и документов, подлежащих введению в уголовный процесс готовых информационных продуктов: вещественных доказательств, иных документов, заключений специалиста, а также результатов оперативно-разыскной и административной деятельности.

Научная и практическая значимость. Результаты исследования будут полезны научным и практическим работникам, преподавателям, аспирантам (адъюнктам), студентам, а также всем, кто интересуется злободневными ныне проблемами уголовно-процессуального права в целом и доказывания в частности.

Ключевые слова: вещественные доказательства, доказательства, доказывание, иные документы, представление доказательств, приобщение доказательств к уголовному делу, собирание доказательств, средства доказывания, формирование доказательств.

Уже более 15 лет автора настоящей статьи привлекают проблемы уголовно-процессуального доказывания — этому были посвящены и защищенная в 2016 г. докторская диссертация, и многие другие научные публикации. И здесь нет ничего удивительного! Ведь, будучи направленным на установление имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обоснование правоприменительных решений, доказывание представляет собой особую, в определенном смысле уникальную область уголовно-процессуального регулирования: с одной стороны, является основным стержнем уголовного судопроизводства, а с другой — предполагает потребность более или менее приемлемой, но изначально не предрасположенной к безупречности формализации естественных закономерностей познания и рационального мышления¹.

В недавнем прошлом автором было опубликовано несколько статей, где уделялось повышенное внимание сущности и системе средств уголовно-процессуального доказывания. В указанных работах, помимо прочего, говорилось о неоднородности таких средств, об ошибочности их отождествления

исключительно с предусмотренными ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² (далее — УПК РФ) доказательствами, упоминалось о существовании и активном использовании в правоприменительной практике других полезных ресурсов. При этом доказательствам отводилась роль лишь одной из разновидностей средств доказывания³. Однако высказанные тезисы никоим образом не следует толковать как умаляющие ценность доказательств — они были и остаются важнейшими и самыми известными средствами уголовно-процессуального доказывания. По всей видимости, именно поэтому связанные с ними проблемы всегда характеризовались и продолжают характеризоваться особой остротой и предрасположенностью к дискуссиям. Одной из таких проблем и посвящается настоящая статья.

Итак, в соответствии с положениями действующего законодательства под доказательствами, с одной стороны, надлежит понимать любые пригодные для нужд доказывания сведения, тогда

¹ Подробнее см.: Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021. С. 47–49.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³ См., например: Россинский С.Б. Субъективные средства доказывания в уголовном судопроизводстве // Юридическое образование и наука. 2023. № 2. С. 29–30.

как с другой — строго определенные и поэтому юридически предрасположенные к использованию информационные продукты, содержащие подобные сведения: различные виды показаний, заключения эксперта и специалиста, вещественные доказательства, результаты (протоколы) невербальных следственных и судебных действий, документы (ст. 74 УПК РФ).

В этой связи на сегодняшний день особое значение приобрели различные механизмы собирания доказательств как «первого»⁴ этапа доказывания. Ведь возникшая в 1960–1970-е годы, а в настоящее время получившая легальное признание кибернетическая (информационная) концепция доказательств⁵ повлияла именно на усиление роли когнитивного компонента доказывания, стала серьезным импульсом для развития процессуальных механизмов собирания доказательств, побудила к целому ряду доктринальных изысканий, посвященных различным приемам накопления полезных для уголовного дела сведений. В частности, внедрение кибернетических идей в уголовно-процессуальную материю предопределило цикл научных исследований С.А. Шейфера, в результате которых возникла знаменитая, впоследствии поддержанная многими учеными-процессуалистами, шейферовская теория следственных действий как универсальных и фактически безальтернативных способов собирания доказательств.

Причем одним из базовых положений шейферовской теории стал постулат о возможности собирания доказательств не иначе как посредством так называемого формирования, как бы «одевания» получаемых сведений в процессуальную форму, приводящего к получению нового информационного продукта, например свидетельских показаний, экспертного заключения, протокола следственного осмотра и т.д.⁶ Иными словами, под собиранием доказа-

тельств ученые начали понимать исключительно их формирование, т.е. отождествлять «первый» этап уголовно-процессуального доказывания с выполнением дознавателем, следователем, судом предусмотренных УПК РФ познавательного-удостоверительных приемов — тех самых следственных действий, — позволяющих преобразовать накапливаемые сведения в один из видов доказательств, обремененных должными гарантиями юридической доброкачественности и поэтому пригодных для использования при установлении входящих в предмет доказывания обстоятельств и обоснования правоприменительных решений⁷.

В основу всех подобных воззрений положены хорошо известные тезисы С.А. Шейфера, полностью отрицавшего существование в объективной реальности каких-либо готовых доказательств (показаний, заключений, протоколов и т.д.)⁸. Ученый писал о недопустимости уподобления процессуальной деятельности субъектов доказывания собиранию грибов или других даров природы, в связи с чем утверждал о возможности обнаружения и восприятия дознавателем, следователем, прокурором, судом лишь полезной информации с последующим приданием ей надлежащей процессуальной формы в ходе предусмотренных законом познавательного-удостоверительных приемов и посредством осуществления соответствующих государственно-властных полномочий⁹. Кроме того, автор акцентировал внимание на неприемлемости отождествления категории «формирование доказательств» исключительно с фиксацией полученных сведений — понимал под ним (формированием) весь процесс преобразования воспринимаемой информации в один из предусмотренных законом информационных продуктов, предполагающий как познавательные, так и удостоверительные компоненты¹⁰.

Вместе с тем шейферовская теория следственных действий, как и любая иная система научных взглядов, оказалась несвободной от ряда «слабых звеньев». Некоторые ее положения со временем стали представляться не вполне разумными, побуждающими к достаточно серьезной дискуссии.

Для большей точности необходимо пояснить, что позиции С.А. Шейфера и солидарных с ним ученых о формировании доказательств, т.е. о возникновении новых и информационных продуктов

⁴ Процессуальное первенство собирания доказательств по отношению к другим предусмотренным законом этапам доказывания — проверке и оценке доказательств — достаточно условно. В этой связи используемый в настоящей статье по отношению к собиранию доказательств порядковый эпитет «первый» преднамеренно берется в кавычки. Подробнее см.: Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу. С. 85.

⁵ Кибернетической (информационной) концепцией доказательств принято считать возникшую на рубеже 1960–1970-х годов и впоследствии ставшую методологической основой для современного доказательственного права систему научных взглядов, сводящихся к пониманию доказательств как полученных в установленном порядке полезных сведений (в некоторых более ранних публикациях — фактических данных), поступающих в распоряжение дознавателя, следователя, суда в виде подлежащих восприятию информационных сигналов и способствующих установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств. Подробнее см.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. В 2 т. / отв. ред. Н.В. Жогин. Т. 1. М., 1966. С. 240–254; Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. С. 61–62.

⁶ См.: Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972. С. 15–16; Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. С. 12–14; Шейфер С.А. Доказательства и

доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. С. 33–34 и др. работы автора.

⁷ См., например: Михеенко М.М. Доказывание в советском уголовном процессе. Киев, 1984. С. 10; Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание: учеб. пособ. Ижевск, 1993. С. 91; Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2009. С. 11 и др.

⁸ См.: Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств. С. 7.

⁹ См.: Шейфер С.А. Следственные действия. С. 7–8.

¹⁰ См.: Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. С. 33–34.

именно посредством производства следственных и иных процессуальных действий познавательно-удостоверительного характера (как бы путем доведения воспринимаемых сведений до надлежащих юридических «кондиций») сами по себе совершенно верны и справедливы. Однако при этом они видятся далеко не всеобъемлющими, не универсальными, не предопределяющими порядок получения органами предварительного расследования и судами всех без исключения доказательственных активов.

В реальности положения шейферовской теории приемлемы лишь в части собирания (читай: формирования) различных видов показаний, заключений эксперта и результатов невербальных следственных и судебных действий (протоколов следственных действий и судебного заседания) — информационных продуктов, как бы порождаемых самими дознавателями, следователями, судами либо по их заданию судебными экспертами, т.е. возникающих в итоге собственной познавательно-удостоверительной деятельности указанных субъектов, осуществляемой в обремененном юридическими гарантиями доброкачественности процессуальном режиме. Кстати, выводы С.А. Шейфера основаны на рассмотрении именно этих видов доказательств¹¹.

Вместе с тем предусмотренный законом перечень средств доказывания предполагает гораздо более разнообразный контент — одними лишь показаниями, экспертными заключениями и протоколами он явно не исчерпывается. В соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ уголовно-процессуальными доказательствами также признаются вещественные доказательства, «иные» документы¹², заключения специалиста. Кроме того, реалии современной правоприменительной практики вынуждают прибегать к использованию в доказывании и некоторых других полезных активов — результатов оперативно-разыскной и административной деятельности органов исполнительной власти. Все эти средства доказывания фактически оставлены за скобками шейферовской теории — в части работы с любыми подобными предметами или документами такие доктринальные позиции оказались неприемлемыми и невыполнимыми.

К слову, в своих доводах о неприменимости взглядов С.А. Шейфера и его последователей ко всем без исключения средствам доказывания автор настоящей статьи не одинок, а имеет серьезных единомышленников. В частности, аналогичные тезисы неоднократно высказывались одним из самых

авторитетных современных специалистов в сфере уголовно-процессуального доказывания — профессором В.А. Лазаревой¹³. И хотя для обоснования предлагаемой позиции она использует совершенно иные и, по всей вероятности, не вполне справедливые аргументы — объясняет потребность частичного пересмотра шейферовской теории общим ослаблением роли следственных действий, обусловленным расширением диспозитивных возможностей невластных участников уголовного судопроизводства, позволяющих самостоятельно собирать и представлять доказательства¹⁴, — само отрицание универсальности механизмов формирования и одновременное признание других способов собирания доказательств представляется совершенно правильным и заслуживает безусловной поддержки. Схожие по смыслу суждения в части результатов непроцессуальной деятельности как автономных средств доказывания неоднократно высказывались еще одним известным ученым-процессуалистом — профессором М.П. Поляковым¹⁵; эти же взгляды свойственны и некоторым другим современным авторам.

И вещественные доказательства, и «иные» документы, и заключения специалиста, и результаты оперативно-разыскной или административной деятельности возникают вне уголовно-процессуальных правоотношений, т.е. в свободном от процессуальной формы режиме, а некоторые — вообще без какого-либо режима. Они обязаны своим появлением на свет не столько процессуальным действиям дознавателя, следователя, суда, сколько непроцессуальной деятельности других лиц, а то и вовсе не зависящим от людей объективным закономерностям слеодообразования. Кстати, в части «иных» документов на этот нюанс указывали еще авторы известного двухтомника «Теория доказательств в советском уголовном процессе»¹⁶; позднее В.А. Камышин назвал такие документы «свободными» доказательствами¹⁷.

В этой связи следует вновь не согласиться с мнением уважаемого С.А. Шейфера. Автор, конечно,

¹¹ Там же. С. 33.

¹² «Иные» документы — это строго определенный вид доказательств (ст. 84 УПК РФ). В этой связи во избежание смысловой путаницы и для разграничения легкомысленно применяемого законодателем прилагательного «иные» с близкими по значению прилагательными («другие», «остальные» и т.д.) оно преднамеренно берется в кавычки.

¹³ См.: Лазарева В.А. Доказательство как категория уголовно-процессуального права: новые (старые) подходы // Legal Concept (Правовая парадигма). 2019. Т. 18. № 2. С. 56–61; Лазарева В.А. Собирание или формирование? Продолжаем дискуссию // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1. С. 78–87 и др. работы автора.

¹⁴ Подробнее см.: Россинский С.Б. Позицию профессора В.А. Лазаревой о собирании доказательств в целом можно поддержать, но... // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 3. С. 68–69.

¹⁵ См.: Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Н. Новгород, 2001. С. 220.

¹⁶ См. Теория доказательств в советском уголовном процессе. В 2 т. / отв. ред. Н.В. Жогин. Т. 2. М., 1967. С. 313.

¹⁷ См.: Камышин В.А. Иные документы как «свободное» доказательство в уголовном процессе: автореф. дис... канд. юрид. наук. Ижевск, 1998. С. 6.

обращал внимание на особый характер вещественных доказательств и «иных» документов, однако продолжал настаивать на их непреложном формировании, на получении не иначе как посредством процессуальной формы, которую необоснованно сводил к их визуальному обследованию (осмотру), отражению выявленных признаков в протоколе и вынесению специального правоприменительного акта о признании предмета или документа средством доказывания. Другими словами, он допускал весьма распространенную и детерминированную некоторой неопределенностью законодательного регулирования оплошность — просто не видел разницы между осмотром как полноценным, безусловно предполагающим процессуальную форму, следственным либо судебным действием (ст. 176–178, 284, 287 УПК РФ) и осмотром как обычным, явно не нуждающимся в формализации методом визуального исследования материальных фрагментов объективной реальности¹⁸.

Для большей убедительности сказанного разумно напомнить, что сущность процессуальной формы, равно как и смысл производного от нее термина «формирование» ни в коем случае нельзя ставить в зависимость от простого упоминания в УПК РФ того или иного объекта правового регулирования, в частности носителя полезных для уголовного дела сведений (вещественного доказательства, «иного» документа и т.д.), — увы, к сожалению, именно такие ошибки и присущи многим научным публикациям. Уголовно-процессуальной формой надлежит признавать лишь установленный законом и обремененный комплексом правовых гарантий доброкачества предполагаемых результатов порядок (совокупность правил) определенной юридической процедуры, осуществляемой в целях получения какого-либо нового (!) и юридически значимого для уголовного дела результата, например следственного действия, позволяющего получить (читай: сформировать) новый информационный продукт¹⁹, — в противном случае ее существование было бы размыто и потеряло бы всякий смысл. Тогда как для изготовления вещественных доказательств, подготовки и оформления «иных» документов,

заклучений специалиста, получения результатов оперативно-разыскной или административной деятельности органов исполнительной власти такой порядок уголовно-процессуальным законом не предусматривается и предусматриваться не должен.

Странно было бы встретить в УПК РФ, например, правила оформления каких-либо исходящих от «третьих» лиц справок, выписок, характеристик, документов бухгалтерской отчетности либо нормы, определяющие порядок проведения проверочной закупки или оперативного эксперимента. Еще более удивительно было бы обнаружить положения, устанавливающие технологию изготовления дознавателем, следователем, судьей некоего предполагаемого к признанию вещественным доказательством предмета — не визуального обследования уже готового предмета, а именно его изготовления (говоря образно, его вытачивания на токарном станке). И совсем нереальными представляются некие «процессуальные» манипуляции, позволяющие отправиться на машине времени в прошлое для «формирования» уже существующих предметов или документов либо при помощи некоего волшебного инструмента как бы задним числом облачить их в «процессуальную одежду» подобно фее из известной сказки Шарля Перро, превратившей Золушку в принцессу, тыкву — в карету, а крысу — в кучера²⁰.

Все подобные предметы или документы поступают, по крайней мере должны поступать, к дознавателю, следователю или в суд не в ходе производства следственных или иных процессуальных действий, а посредством более примитивных, не обремененных излишней формализацией способов накопления доказательственного материала: представления и истребования. После этого они попросту вводятся в уголовный процесс путем приобщения к уголовному делу либо не вводятся (не приобщаются) — в случае осознания невозможности или понимания бессмысленности их дальнейшего использования в качестве средств доказывания.

Конечно, в правоприменительной практике достаточно часто возникают и другие ситуации, предполагающие изъятие предметов и документов прямо в ходе осмотра, обыска, проверки показаний на месте

¹⁸ Подробнее см.: Антонов В.А., Россинский С.Б. Следственный осмотр — лишнее звено в механизме приобщения вещественных доказательств к материалам уголовного дела // Юридическое образование и наука. 2018. № 4. С. 26–30; Россинский С.Б. Размышления о сущности вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17. № 2. С. 194.

¹⁹ См., например: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1. М., 1968. С. 51; Шпилев В.Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск, 1974. С. 102–103; Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / под ред. В.М. Савицкого. М., 1979. С. 16; Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 9. С. 75 и др.

²⁰ К слову, именно таковыми представляются взгляды ученых, ратующих за формирование доказательств на основе результатов оперативно-разыскной деятельности. В этой связи автор настоящей статьи неоднократно расценивал все подобные позиции как самообман, как очередные красивые, но при этом абсолютно нежизнеспособные научные фантазии, не имеющие ничего общего с реальными возможностями по накоплению и обработке полезных для уголовного дела сведений, а лишь побуждающие к маскировке оперативно-разыскной информации наиболее удобным видом доказательств. Подробнее см., например: Вытовтов А.Е., Россинский С.Б. Надлежащее понимание результатов оперативно-разыскной деятельности — ключ к решению проблемы их использования в доказывании по уголовным делам // Lex russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 1 (182). С. 65.

и тому подобных следственных или даже судебных действий, сводящихся к наглядно-образной перцепции субъектом доказывания неких материальных фрагментов объективной реальности. Однако, как уже отмечалось в публикациях автора настоящей статьи, такие процессуальные экспроприации имеют сугубо второстепенный, факультативный характер, а предусмотренные законом полномочия по принудительному изыманию потенциальных вещественных доказательств и «иных» документов никоим образом не детерминированы основным предназначением невербальных познавательно-удостоверительных приемов — выявлением фактов самого нахождения неких материальных объектов в определенных местах, установления их внешних (физических) признаков, свойств, состояния и взаиморасположения. Одновременно говорилось, что предоставленные законодателем возможности изъятия предметов и документов прямо в ходе следственных действий предопределены не более чем вполне разумной оптимизацией процессуальной формы — объединением в общую процедуру двух связанных и взаимообусловленных операций: познавательно-удостоверительного приема и действий по принудительному отчуждению обнаруженного объекта для предполагаемого использования в качестве самостоятельного средства доказывания²¹. И наконец, обращалось внимание на необходимость разграничения самих предметов и документов, в первую очередь потенциальных вещественных доказательств, и обстоятельств их обнаружения с четким пониманием индивидуальной роли каждого из них в общем механизме уголовно-процессуального познания и обоснования правоприменительных решений²².

Таким образом, ни вещественные доказательства, ни «иные» документы, ни заключения специалиста, ни результаты оперативно-разыскной или административной деятельности никакому процессуальному формированию не подлежат и подлежать не могут, а лишь предрасположены к введению в уголовный процесс в качестве готовых информационных продуктов — не как когнитивное «сырье» либо «полуфабрикаты», а как пригодные к использованию «изделия». Если они и формируются, то строго за рамками уголовного судопроизводства, вне установленного УПК РФ правового режима и без соответствующих процессуальных гарантий. Поэтому все указанные доказательства разумнее рассматривать не как результаты формирования, а как информационные активы, возникшие до процесса либо вне процесса, а затем помещенные в некую

«процессуальную упаковку», т.е. как объекты юридической легализации, осуществляемой посредством их формального приобщения к уголовному делу и официального признания допустимыми для последующего использования средствами доказывания.

В прежних публикациях автора настоящей статьи уже отмечалось, что ввиду направленности на процессуальную легализацию (на введение в процесс) представленных, истребованных либо изъятых предметов или документов для дальнейшего использования в качестве допустимых доказательств механизмы их приобщения к уголовному делу нельзя расценивать как сугубо технические либо технологические приемы, сводящиеся к банальному подшиванию к другим материалам производства, помещению в служебный сейф, специальную камеру хранения вещественных доказательств и т.д.²³ При этом обращалось внимание, что приобщением доказательства надлежит признавать более простой, свободный по сравнению с механизмами формирования, не предполагающий столь жесткой формализации, но не менее важный правовой способ реализации дискреционных полномочий органов предварительного расследования и суда, состоящий в юридической легализации возникающего вне процесса информационного продукта и сводящийся: 1) к поступлению некоего предмета или документа к дознавателю, следователю или в суд; 2) к его исследованию, проверке и оценке на предмет пригодности к использованию по назначению; 3) к изданию специального государственно-властного акта об его официальном признании полноценным средством доказывания, наделения должной юридической силой и включения в общую доказательственную массу²⁴.

В этой связи представляется, что именно такие механизмы и должны обуславливать юридическое превращение попавших «на стол» к правоприменителю готовых информационных продуктов в юридически пригодные к использованию средства доказывания, т.е. их введение в надлежащее процессуальное состояние — в статус вещественных доказательств, «иных» документов, заключений специалиста, результатов оперативно-разыскной либо административной деятельности — и помещение в один ряд с показаниями, заключениями эксперта и результатами невербальных следственных и судебных действий (с протоколами следственных действий и судебного заседания). А без формального

²¹ См.: Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу. С. 89.

²² См.: Россинский С.Б. Размышления о сущности вещественных доказательств. С. 186–192.

²³ См.: Россинский С.Б. Приобщение доказательств к уголовному делу как форма реализации государственно-властных полномочий органов предварительного расследования и суда // Государство и право. 2022. № 9. С. 91.

²⁴ См.: Россинский С.Б. О порядке приобщения доказательств к уголовному делу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 6. С. 44.

приобщения к уголовному делу представленные, истребованные либо изъятые объекты не могут расцениваться как полноценные средства доказывания, поэтому должны довольствоваться достаточно неясным положением обычных предметов и документов, не имеющих определенного правового статуса. К слову, в настоящее время подобные механизмы установлены лишь для юридической легализации вещественных доказательств (ч. 2 ст. 81 УПК РФ) и документов, представляемых в судебное заседание (ст. 286 УПК РФ), тогда как в части иных получаемых в готовом виде доказательств каких-либо четких правил их приобщения к уголовному делу, к сожалению, не существует — указанные материалы фактически вводятся в сферу уголовно-процессуальных правоотношений и признаются полноценными средствами доказывания посредством подшивания к делу, т.е. путем умелого использования иголки с ниткой²⁵.

²⁵ См.: Россинский С.Б. Приобщение доказательств к уголовному делу. С. 90.

Литература

1. Антонов В.А. Следственный осмотр — лишнее звено в механизме приобщения вещественных доказательств к материалам уголовного дела / В.А. Антонов, С.Б. Россинский // Юридическое образование и наука. 2018. № 4. С. 25–32.
2. Вытовтов А.Е. Надлежащее понимание результатов оперативно-розыскной деятельности — ключ к решению проблемы их использования в доказывании по уголовным делам / А.Е. Вытовтов, С.Б. Россинский // Lex russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 1 (182). С. 60–73.
3. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности / Е.А. Доля. Москва : Проспект, 2009. 373 с.
4. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание : учебное пособие / З.З. Зинатуллин. Ижевск : Удмуртский госуниверситет, 1993. 178 с.
5. Камышин В.А. Иные документы как «свободное» доказательство в уголовном процессе : автореферат диссертации кандидата юридических наук / В.А. Камышин. Ижевск : Удмуртский госуниверситет, 1998. 22 с.
6. Лазарева В.А. Доказательство как категория уголовно-процессуального права: новые (старые) подходы / В.А. Лазарева // Legal Concert (Правовая парадигма). 2019. Т. 18. № 2. С. 55–62.
7. Лазарева В.А. Собираение или формирование? Продолжаем дискуссию / В.А. Лазарева // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1. С. 78–87.
8. Михеенко М.М. Доказывание в советском уголовном процессе / М.М. Михеенко. Киев : Вища школа, 1984. 133 с.
9. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю.К. Орлов. Москва : Юрист, 2009. 174 с.
10. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности / М.П. Поляков. Нижний Новгород : Нижегородская правовая академия, 2001. 260 с.
11. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств / С.Б. Россинский. Москва : Норма, 2021. 408 с.
12. Россинский С.Б. О порядке приобщения доказательств к уголовному делу / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 6. С. 40–46.
13. Россинский С.Б. Позицию профессора В.А. Лазаревой о собирании доказательств в целом можно подержать, но... / С.Б. Россинский // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 3. С. 66–72.
14. Россинский С.Б. Приобщение доказательств к уголовному делу как форма реализации государственно-властных полномочий органов предварительного расследования и суда / С.Б. Россинский // Государство и право. 2022. № 9. С. 84–93.

На основании всего изложенного гораздо более рациональным и соответствующим реальным потребностям правоприменительной практики представляется не шейферовский, а несколько иной доктринальный подход, предполагающий неоднородность способов собирания разных доказательств, в том числе различную природу действий и решений органов предварительного расследования или суда, направленных на процессуальную легализацию (на введение в процесс) накапливаемых сведений.

Более того, в настоящее время уже давно назрела необходимость выделения возникающих вне уголовно-процессуальных отношений готовых информационных продуктов в автономную группу доказательств, обладающих определенной спецификой и поэтому предполагающих особенности проверки, оценки и использования в ходе установления имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обоснования правоприменительных решений. Эти вопросы планируются к рассмотрению в последующих публикациях автора настоящей статьи.

15. Россинский С.Б. Размышления о сущности вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве / С.Б. Россинский // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Т. 17. № 2. С. 176–197.
16. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития / С.Б. Россинский // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 9. С. 67–79.
17. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / под редакцией В.М. Савицкого. Москва : Наука, 1979. 319 с.
18. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2 томах. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса / М.С. Строгович. Перераб. и доп. изд. Москва : Наука, 1968. 470 с.
19. Теория доказательств в советском уголовном процессе. В 2 томах. Т. 1. Часть общая / ответственный редактор Н.В. Жогин. Москва : Юридическая литература, 1966. 584 с.
20. Теория доказательств в советском уголовном процессе. В 2 томах. Т. 2. Часть особенная / ответственный редактор Н.В. Жогин. Москва : Юридическая литература, 1967. 415 с.
21. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С.А. Шейфер. Москва : Норма, 2008. 240 с.
22. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С.А. Шейфер. Москва : Юрлитинформ, 2001. 208 с.
23. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / С.А. Шейфер. Москва : ВЮЗИ, 1972. 130 с.
24. Шпилев В.Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства / В.Н. Шпилев. Минск : БГУ имени В.И. Ленина, 1974. 143 с.

References

1. Antonov V.A. Sledstvenny`y osmotr — lishnee zveno v mekhanizme priobscheniya veschestvenny`kh dokazatelstv k materialam ugovornogo dela [An Investigative Examination as an Extra Link in the Mechanism of Inclusion of Physical Evidence in Criminal Case Files] / V.A. Antonov, S.B. Rossinsky // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka — Legal Education and Science. 2018. № 4. S. 25–32.
2. Vytovtov A.E. Nadlezhaschee ponimanie rezultatov operativno-rozy`sknoy deyatel'nosti — klyuch k resheniyu problemy` ikh ispolzovaniya v dokazy`vanii po ugovornym delam [Due Understanding of Results of Criminal Intelligence and Surveillance Operations as the Key to Solution of the Problem of Their Use in Criminal Case Proving] / A.E. Vytovtov, S.B. Rossinsky // Lex russica (Russkiy zakon). 2022. Т. 75 — Lex russica (Russian Law). 2022. Vol. 75. № 1 (182). S. 60–73.
3. Dolya E.A. Formirovanie dokazatelstv na osnove rezultatov operativno-rozy`sknoy deyatel'nosti [Evidence Building Based on Results of Criminal Intelligence and Surveillance Operations] / E.A. Dolya. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2009. 373 s.
4. Zinatullin Z.Z. Ugolovno-protsessualnoe dokazy`vanie : uchebnoe posobie [Criminal Procedure Proving : textbook] / Z.Z. Zinatullin. Izhevsk : Udmurtskiy gosuniversitet — Izhevsk : Udmurt State University, 1993. 178 s.
5. Kamyshin V.A. Iny`e dokumenty` kak “svobodnoe” dokazatelstvo v ugovornom protsesse : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [Other Documents as “Free” Evidence in the Criminal Procedure : author’s abstract of thesis of PhD (Law)] / V.A. Kamyshin. Izhevsk : Udmurtskiy gosuniversitet — Izhevsk : Udmurt State University, 1998. 22 s.
6. Lazareva V.A. Dokazatelstvo kak kategoriya ugovornoprotsessualnogo prava: novy`e (stary`e) podkhody` [Evidence as a Criminal Procedure Law Category: New (Old) Approaches] / V.A. Lazareva // Legal Concept (Pravovaya paradigma). 2019. Т. 18 — Legal Concept (Legal Paradigm). 2019. Vol. 18. № 2. S. 55–62.
7. Lazareva V.A. Sobiranie ili formirovanie? Prodolzhaem diskussiyu [Collection or Building? Continuation of the Discussion] / V.A. Lazareva // Sudebnaya vlast i ugovornyy`y protsess — The Judiciary and Criminal Procedure. 2021. № 1. S. 78–87.
8. Mikheenko M.M. Dokazy`vanie v sovetskom ugovornom protsesse [Proving in the Soviet Criminal Procedure] / M.M. Mikheenko. Kiev : Vischa shkola — Kiev : Higher School, 1984. 133 s.
9. Orlov Yu.K. Problemy` teorii dokazatelstv v ugovornom protsesse [Problems of the Evidence Theory in the Criminal Procedure] / Yu.K. Orlov. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 2009. 174 s.
10. Polyakov M.P. Ugolovno-protsessualnaya interpretatsiya rezultatov operativno-rozy`sknoy deyatel'nosti [Criminal Procedure Interpretation of Results of Criminal Intelligence and Surveillance Operations] /

- M.P. Polyakov. Nizhniy Novgorod : Nizhegorodskaya pravovaya akademiya — Nizhny Novgorod : Nizhny Novgorod Law Academy, 2001. 260 s.
11. Rossinsky S.B. Dosudebnoe proizvodstvo po ugovnomu delu: suschnost i sposoby` sobiraniya dokazatelstv [Pre-Trial Criminal Case Proceedings: The Essence and Means of Collection of Evidence] / S.B. Rossinsky. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2021. 408 s.
  12. Rossinsky S.B. O poryadke priobscheniya dokazatelstv k ugovnomu delu [On the Procedure for Inclusion of Evidence in Criminal Case Files] / S.B. Rossinsky // Zakony` Rossii: opyt, analiz, praktika — Russian Laws: Experience, Analysis, Practice. 2022. № 6. S. 40–46.
  13. Rossinsky S.B. Pozitsiyu professora V.A. Lazarevoy o sobiranii dokazatelstv v tselom možno podderzhat, no... [In General, the Position of Professor V.A. Lazareva on Evidence Collection Can Be Supported But...] / S.B. Rossinsky // Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta. 2021. T. 7 — Legal Bulletin of the Samara University. 2021. Vol. 7. № 3. S. 66–72.
  14. Rossinsky S.B. Priobschenie dokazatelstv k ugovnomu delu kak forma realizatsii gosudarstvenno-vlastny`kh polnomochiy organov predvaritelnogo rassledovaniya i suda [Inclusion of Evidence in Criminal Case Files as a Form of Exercising of Government Powers by Pre-Trial Investigation Authorities and Court] / S.B. Rossinsky // Gosudarstvo i pravo — State and Law. 2022. № 9. S. 84–93.
  15. Rossinsky S.B. Razmy`shleniya o suschnosti veschestvenny`kh dokazatelstv v ugovnom sudoproizvodstve [Reflections on the Essence of Physical Evidence in Criminal Proceedings] / S.B. Rossinsky // Trudy` Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk. 2022. T. 17 — Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 17. № 2. S. 176–197.
  16. Rossinsky S.B. Ugolovno-protsessualnaya forma: suschnost, problemy`, tendentsii i perspektivy` razvitiya [The Criminal Procedure Form: The Essence, Problems, Development Tendencies and Prospects] / S.B. Rossinsky // Aktualny`e problemy` rossiyskogo prava. 2020. T. 15 — Relevant Problems of Russian Law. 2020. Vol. 15. № 9. S. 67–79.
  17. Sovetskiy ugolovno-protsessualny`y zakon i problemy` ego effektivnosti [The Soviet Criminal Procedure Law and Problems of Its Efficiency] / pod redaktsiey V.M. Savitskogo. Moskva : Nauka — edited by V.M. Savitsky. Moscow : Science, 1979. 319 s.
  18. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa. V 2 tomakh. T. 1. Osnovny`e polozheniya nauki sovetskogo ugolovnogo protsessa [A Course of the Soviet Criminal Procedure. In 2 volumes. Vol. 1. The Main Provisions of the Soviet Criminal Procedure Science] / M.S. Strogovich. Pererab. i dop. izd. Moskva : Nauka — Revised and enlarged edition. Moscow : Science, 1968. 470 s.
  19. Teoriya dokazatelstv v sovetskom ugolovnom protsesse. V 2 tomakh. T. 1. Chast obschaya [The Evidence Theory in the Soviet Criminal Procedure. In 2 volumes. Vol. 1. The General Part] / otvetstvenny`y redaktor N.V. Zhogin. Moskva : Yuridicheskaya literatura — publishing editor N.V. Zhogin. Moscow : Legal Literature, 1966. 584 s.
  20. Teoriya dokazatelstv v sovetskom ugolovnom protsesse. V 2 tomakh. T. 2. Chast osobennaya [The Evidence Theory in the Soviet Criminal Procedure. In 2 volumes. Vol. 2. The Special Part] / otvetstvenny`y redaktor N.V. Zhogin. Moskva : Yuridicheskaya literatura — publishing editor N.V. Zhogin. Moscow : Legal Literature, 1967. 415 s.
  21. Sheyfer S.A. Dokazatelstva i dokazy`vanie po ugolovny`m delam: problemy` teorii i pravovogo regulirovaniya [Evidence and Proving in Criminal Cases: Problems of the Theory and Legal Regulation] / S.A. Sheyfer. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2008. 240 s.
  22. Sheyfer S.A. Sledstvenny`e deystviya. Sistema i protsessualnaya forma [Investigative Actions. The System and the Procedural Form] / S.A. Sheyfer. Moskva : Yurlitinform — Moscow : Yurlitinform, 2001. 208 s.
  23. Sheyfer S.A. Suschnost i sposoby` sobiraniya dokazatelstv v sovetskom ugolovnom protsesse [The Essence and Means of Collection of Evidence in the Soviet Criminal Procedure] / S.A. Sheyfer. Moskva : VYuZI — Moscow : All-Union Correspondence Institute of Law, 1972. 130 s.
  24. Shpilev V.N. Soderzhanie i formy` ugolovnogo sudoproizvodstva [The Content and Forms of Criminal Proceedings] / V.N. Shpilev. Minsk : BGU imeni V.I. Lenina — Minsk : BSU, 1974. 143 s.

При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов,
просим обращаться в редакцию по телефону: 8 (495) 953-91-08
или по e-mail: avtor@lawinfo.ru